

Глава 17

Родинка

Раны, полученные в темнице, были тяжёлыми, и на их исцеление у Хань Линя ушёл остаток года.

— Кажется, я в этом году полгода в кровати провалялся, — с усмешкой сказал он Вань Миньюэ, который пришёл его навестить. — Так что и с назначением на пост заместителя главы Ордена поздравить не смог.

Они давно не виделись, и теперь юноша подшучивал сам над собой. Собеседник в ответ потянулся, чтобы ущипнуть его, и Хань Линь, смеясь, забегал по комнате.

— А ты, я смотрю, почти поправился, — заметил гость.

Хань Линь, запыхавшись от беготни, налил себе воды.

— Да, ещё полмесяца — и поеду с Владыкой Павильона в Гусу.

— Уже не «старший брат»? — поддразнил его Вань Миньюэ.

— На людях нужно соблюдать формальности. «Старший брат» — это как-то по-детски. Вот, привыкаю называть его Владыкой Павильона, нужно, чтобы язык привык.

Дела у Павильона Темного Дождя шли неважно. Вань Миньюэ в Ордене Безмолвных Цикад тоже едва находил время перевести дух, разбираясь со старейшинами Шаньчэна.

Вся Поднебесная знала, что нынешняя глава Ордена Безмолвных Цикад выросла вместе с главой и заместителем Павильона Темного Дождя. Бай Ин стремилась положить конец вражде между двумя школами и в канун Нового года отправила своего заместителя в Лоян для мирных переговоров. Стороны обменялись любезностями за ужином, надев маски дружелюбия, и сразу после пира Вань Миньюэ отправился к другу.

Когда он приехал, Хань Линь тренировался с саблей во дворе. Гость долго стоял и молча наблюдал, не желая его отвлекать. Наконец Хань Линь закончил упражнения и с улыбкой спросил:

— И долго ты собираешься так стоять?

— Хорошо, что с тобой всё в порядке, — серьёзно ответил Вань Миньюэ со своего места у

ворот.

Хань Линь, не привыкший к такой серьёзности с его стороны, смутился.

— Да что с тобой сегодня? — пробормотал он, подходя и увлекая собеседника в дом. — На улице холодно, давай поговорим внутри.

Он, похоже, не знал о приезде гостя.

— Ты по какому-то делу?

У Вань Миньюэ был вполне благовидный предлог, но он им не воспользовался.

— Приехал повидаться с тобой.

Хань Линь, привыкший к его витиеватым речам, лишь покачал головой и усмехнулся.

— Ну что ты, право. Такой дальний путь... Вражда между нашими школами длится не один день. Тебе опасно находиться в Лояне.

Собеседник с улыбкой подпёр голову рукой и слушал, как тот строит догадки о цели его визита, не перебивая.

— Я слышал, когда тебя схватили, ты разорвал браслет из красных бобов и съел его?

— Яд оказался слишком слаб, умереть не вышло. Только когда везли в столицу, в тюремной повозке так трясло, что от яда меня всю дорогу тошнило.

Хань Линь говорил об этом совершенно безразлично, в его голосе даже слышалось сожаление, что яд не сработал.

В нынешней ситуации смерть была бы для него избавлением. Шангуань Цюэ, зная о его попытке самоубийства, больше не дарил ему браслетов из красных бобов.

В висках Вань Миньюэ застучало. Он крепче сжал то, что держал в руке с самого приезда, и глубоко вздохнул.

— И как, не чувствуешь пустоты на запястье?

— Обычно нет. Только когда тренируюсь, кажется, будто чего-то не хватает, немного

непривычно. Всё-таки я носил его несколько лет.

Вань Миньюэ протянул ему красную нить, лежавшую у него на ладони, и как бы невзначай сказал:

— О, тогда у меня как раз есть красная нить. Один знакомый монах в храме подарил. Может, пока сойдёт?

Украшение было сплетено «алмазным узлом», а в центре висел кусочек чёрного нефрита размером с вишню, украшенный позолоченным узором, который Хань Линь не смог опознать.

— Что за храм? Как я могу принять подарок, предназначенный тебе?

— Да так, захудалый храмик, ты о таком и не слышал. Он мне несколько таких дал.

Хань Линь, прищурившись, с сомнением посмотрел на него.

— Ты, ученик даоса, раздобыл буддийскую красную нить. Поможет ли она отогнать злых духов?

Несмотря на свои слова, он позволил Вань Миньюэ надеть подарок ему на правое запястье.

— Если твой старший брат спросит, — добавил гость, — не говори, что это от меня. Скажи, что тебе было непривычно, и ты сам купил её у торговца на улице.

Хань Линь понимал, что, узнай Шангуань Цюэ правду, он, взвесив все за и против, наверняка заставит его снять нить. Юноше не нравилось, когда вражда между школами сказывалась на их дружбе, которая длилась с самого детства, поэтому он кивнул, соглашаясь подыграть.

Вань Миньюэ пробыл недолго. Вскоре снаружи послышался голос, звавший его обратно. Все беспокоились, что, если Шангуань Цюэ замыслил недоброе, долгое пребывание здесь может быть смертельно опасным.

— Хорошо, что этот год наконец-то закончился. Плохое начало — дурная примета, — сказал гость на прощание, долго и молча глядя в лицо другу.

Хань Линь сидел у жаровни, грея руки, и, слегка приподняв голову, смотрел на него в ответ, ожидая продолжения.

— А давай я тебе погадаю, — после паузы сказал Вань Миньюэ, доставая из-за пазухи несколько гадательных палочек. — Вдруг сбудется.

Хань Линь, вопреки обыкновению, не стал смеяться над его суевериями, а согласился:

— Хорошо, я вытяну одну.

Его пальцы с чётко очерченными суставами — результат многолетних тренировок — заставили вены на тыльной стороне ладони и предплечье вздуться. Он сосредоточенно провёл рукой по палочкам, затем вернулся назад. Наконец, он выбрал крайнюю слева и протянул её собеседнику.

Принимая палочку, Вань Миньюэ взглянул на лунку у основания ногтя на указательном пальце друга и вдруг вспомнил луну в заснеженных горах Цзинь-Алинь в начале года. Тогда он возвращался в хижину, неся на спине добычу и дрова, и тонкий серп луны висел в вечернем небе, где ещё не до конца погасло солнце.

Снаружи снова послышался торопливый зов. Вань Миньюэ вздрогнул, его рука дрогнула, и гадательная палочка упала в жаровню с раскалёнными углями.

Бамбук вспыхнул мгновенно, и языки пламени поглотили его.

Оба на мгновение онемели, но не успели ничего сказать — тот, кто звал снаружи, нетерпеливо распахнул дверь и вошёл.

Вань Миньюэ и Хань Линь одновременно посмотрели на вошедшего. В дверях стоял юный слуга лет четырнадцати-пятнадцати.

Увидев нахмуренные брови господина, слуга тут же отвернулся, но повторил:

— Пора возвращаться.

Голос был ещё по-детски тонким, но, несомненно, женским.

Вань Миньюэ ничего не оставалось, как подняться и попрощаться с Хань Линем.

Хань Линь проводил его до ворот. По дороге он с любопытством несколько раз взглянул на переодетую слугой девушку.

Когда они уже вышли во двор, юноша вдруг рассмеялся.

— А, это ты! Я тебя помню. В прошлом году в Тайюане ты заняла третье место, верно?

У Мэйхао ненавидела, когда ей напоминали о том третьем месте. Победить, но уступить

второму, — в этом, по её мнению, не было ничего славного. Но сейчас она сдержалась, лишь низко опустила голову и ничего не ответила.

Хань Линь не счёл это за пренебрежение и продолжил:

— Из всех видов скрытого оружия у тебя лучше всего получается мягкий меч. Продолжай тренироваться. Иногда умение владеть многими видами оружия не означает силу. В этом ваш глава Миньюэ разбирается лучше меня. Раз уж ты всё время рядом с ним, спрашивай, если что-то непонятно, не стесняйся. У него хороший характер.

Мэйхао по-прежнему молчала, даже не кивнув.

Вань Миньюэ извиняюще улыбнулся и, положив руку ей на голову, заставил кивнуть.

— Обычно она не такая, не знаю, что на неё сегодня нашло.

Они отошли на приличное расстояние. Услышав, как за спиной закрылись ворота, девушка вдруг остановилась. Вань Миньюэ обернулся.

— Тебе нехорошо? Может, заказать тебе чашку воды с коричневым сахаром?

Но не успел он договорить, как она, опустив голову, уткнулась ему в грудь.

Собеседник успел лишь заметить, что её уши покраснели так, будто вот-вот брызнет кровь, и услышал её тихий шёпот:

— Он, оказывается, помнит. Какой позор.

В первый месяц года в Гусу стояли холода. По приглашению люди из Павильона Темного Дождя остановились в Саду Скромного Чиновника, а на следующую ночь на город обрушился редкий для этих мест снегопад. На юге зимы влажные, и хотя Весенняя Гавань Бегоний была прекрасна, ветер, пропитанный испарениями воды, колот лицо, словно ледяные иглы, пробирая до самых костей.

Шангуань Цюэ родился в Цзиньлине и с детства привык к тому, что при постройке садов эстетика часто важнее комфорта. По пути в Павильон Восемнадцати Мандариновых Цветов, чтобы обсудить дела с владельцем сада, им пришлось идти по крытой галерее над самой водой. Глядя на скованную льдом изумрудную гладь, он с улыбкой сказал Хань Линю:

— Зимой ещё ничего — сожмёшь покрепче грелку, и можно терпеть. А вот весной или летом здесь не оберешься хлопот с комарами. Где много воды, там и мошкары тьма.

— Значит, в детстве ты настрадался? — спросил Хань Линь.

— В нашем родовом поместье было получше, — ответил Владыка Павильона. — Мой прадед был северным купцом, обосновавшимся в Цзиньлине. И вместо типичных для юга белых стен и чёрной черепицы он предпочитал величественный и строгий алый цвет. Только при дедушке, когда тот был молод, в поместье отвели канал от реки, создали несколько озёр и посадили два пруда лотосов. С тех пор и до самого пожара основы дома больше не менялись.

Упомянув о пожаре, уничтожившем семью Шангуань, Владыка Павильона замолчал и до конца пути не проронил ни слова.

Гусу находился не так уж далеко от Цзиньлина — при желании можно было добраться за день. Однако при планировании поездки Шангуань Цюэ даже не помыслил о возвращении в родные края, оставив Цзиньлин в стороне.

Все последние годы он был занят делами организации. Дом в Цзиньлине, пострадавший от огня, так и стоял не восстановленным. Теперь, будучи главой Павильона, он вынужден был поддерживать связи с императорским двором и одновременно спасать то, что осталось от его школы в мире боевых искусств. На заботу о родовом гнезде не оставалось ни сил, ни времени. Поездка в Гусу стала для него самым спокойным периодом за последние полгода.

Хотя Тун Линлин не раз говорила, что Хань Линь окреп и последствия ранений почти исчезли, Шангуань Цюэ всё равно опасался действия гу, которое тот проглотил в прошлом году.

Ближе к ночи Хань Линь отправился через Весеннюю Гавань Бегоний к Павильону, Опирающемуся на Радугу, чтобы полюбоваться снегом. Владыка Павильона, прихватив зонт, поспешил следом. Он набросил на плечи друга подбитый мехом плащ и, выдыхая облачка пара, попросил его поскорее возвращаться в тепло.

Хань Линь поселился неподалёку от Кабинета для Слушания Дождя. Под окнами росли два широколистных банана, двор был полон старых деревьев и зарослей бамбука. Снег падал почти бесшумно — его шорох можно было уловить, только если очень внимательно прислушаться.

Вернувшись, Хань Линь немного помедитировал, чтобы восстановить ци, и едва закончил, как в дверь постучали.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, — раздалось снаружи.

Юноша проворно вскочил с кровати и открыл дверь. Шангуань Цюэ стоял на пороге с фонарём в руке. Под тяжёлым плащом на нём была лишь нижняя одежда. Хань Линь впустил гостя внутрь, задвинул засов и тихо спросил:

— Что-то случилось?

Смахнув снег с плеч, Шангуань Цюэ снял колпак с фонаря и поднёс руки к пламени свечи.

— Ничего серьёзного.

Хань Линь с облегчением вздохнул и сунул в руки собеседнику грелку.

— Раз всё в порядке, зачем пришёл в такой холод?

— Есть вещи, которые я не могу обсуждать с посторонними, — он слегка склонил голову, глядя на фитиль. Свет свечи смягчил его обычно резкие и пугающе красивые черты. Лёгким дуновением он погасил огонь.

Хань Линь налил горячего чая и протянул ему, чтобы тот согрелся.

— Говори.

— Кажется, мне не нравятся женщины.

Снаружи раздался громкий треск — это под тяжестью снега сломалась ветка.

Хань Линь вздрогнул то ли от шума, то ли от услышанного, едва не раздавив фарфоровую чашку.

Шангуань Цюэ принял чай и с усмешкой добавил:

— Впрочем, я и сам не уверен.

Хань Линь явно не знал, как на это отвечать. Он начал мерить комнату шагами.

— Почему ты вдруг заговорил об этом сегодня?

— Гу Ту сегодня сказал мне, что хочет выдать за меня свою дочь, — он сделал глоток горячего напитка.

Семья Гу была знатным родом в Гусу, вполне под стать прежнему положению семьи Шангуань. В молодости Гу Ту увлекался делами цзянху, но из-за отсутствия таланта к боевым искусствам вернулся домой, чтобы управлять семейным делом. Сейчас ему было уже за шестьдесят, и у него была единственная дочь. Глядя на положение дел в Поднебесной, он решил, что Павильон Темного Дождя, пользующийся поддержкой двора, — самое надёжное пристанище. А молодой Владыка Павильона казался идеальным зятем. Такой союз был бы выгоден и для ослабленной школы, и для самого Гу Ту.

В день приезда, когда их водили по саду, они издали видели госпожу Гу в одной из беседок. В свои шестнадцать лет она была хрупкой и очаровательной, подобно весенней иве.

Сейчас не было возможности отправиться в заведение с куртизанками или к юношам в павильоны мужской ласки, чтобы проверить чувства. К тому же семья Гу была в Гусу полновластным хозяином — повсюду могли быть их глаза и уши. Стоило потенциальному зятю засветиться в подобных местах, и помолвке пришёл бы конец.

— А раньше... у тебя не было девушек? — осторожно спросил Хань Линь.

— А у тебя разве были? — парировал Шангуань Цюэ.

— Откуда тебе знать?

Собеседник понимающе улыбнулся, выдержав паузу.

— Значит, были?

— Нет... — Хань Линь вспомнил прошлое, не заметив, как изменился голос друга, и лишь облизнул губы. — Но однажды едва не случилось... — на этом он замолчал.

Хуа Цзянься покинула Павильон Темного Дождя полгода назад. Те иллюзии, которые он питал когда-то, теперь казались смешными.

Шангуань Цюэ молча наблюдал за тем, как его заместитель мечется по комнате.

Вдруг юноша замер, его глаза блеснули. Он подошёл к столу и, опершись на него руками, подался вперёд:

— Но тогда, когда мы вместе смотрели те эротические картинки... ты же явно мог!

На тех рисунках были изображены мужчина и женщина. Если он испытывал влечение, глядя на такие сцены, то не может быть, чтобы женщины ему не нравились.

— Но тогда, помимо книги, рядом со мной был ещё и мужчина, — спокойно произнёс Шангуань Цюэ, глядя ему прямо в глаза. — Поэтому я и пришёл к тебе.

Хань Линь инстинктивно отступил на несколько шагов, случайно задев локтем подсвечник.

Бронзовый подсвечник с грохотом покатился по столу, пламя свечи затрепетало, и комната погрузилась в пляшущие тени, пока он не ударился о ногу Владыки Павильона. Огонь погас, оставив их в полной темноте.

— Дела школы сейчас и впрямь тяжелы, и предложение Гу Ту очень заманчиво. Но брак — дело серьёзное. Если муж предпочитает мужчин, это погубит жизнь госпожи Гу. Возможно, я и вправду бессердечный и жестокий человек, но на такое я пойти не могу.

В темноте Шангуань Цюэ наклонился, поднял подсвечник и поставил его на место. Затем он достал огниво.

— Сейчас многие желают моей смерти. Даже в самом Павильоне многие недовольны мной, — он дунул на тлеющий трут, и вспыхнувший свет озарил его лицо. Заново зажигая свечу, он опустил веки и коснулся пальцем горячего воска. В складке левого века показалась крохотная родинка. — Из всех, кто пришёл со мной, я доверяю только тебе.

Мало кто знал, что у Шангуань Цюэ прямо посередине левого века есть родинка — крошечная чернильная точка, которая исчезала в складках кожи, стоило ему открыть глаза. Он был настолько ослепительно красив, что люди либо не смели смотреть на него, либо отводили взгляд слишком быстро. Даже те, кто осмеливался разглядывать его дольше, обычно замечали лишь родинку под правым глазом, похожую на слезинку.

Лишь немногие приближённые к нему в Павильоне знали об этой тайне. Когда он опускал взгляд, эта капля чернил четко проявлялась перед взором. И хотя Владыка смотрел вниз, создавалось обманчивое впечатление, будто он пристально изучает тебя через эту самую точку на веке.

— Ты позволишь мне попробовать? — Шангуань Цюэ поднял веки, встречаясь с ним взглядом.

В глазах с родинкой-слезинкой у края дрожало и манило отражение свечи.